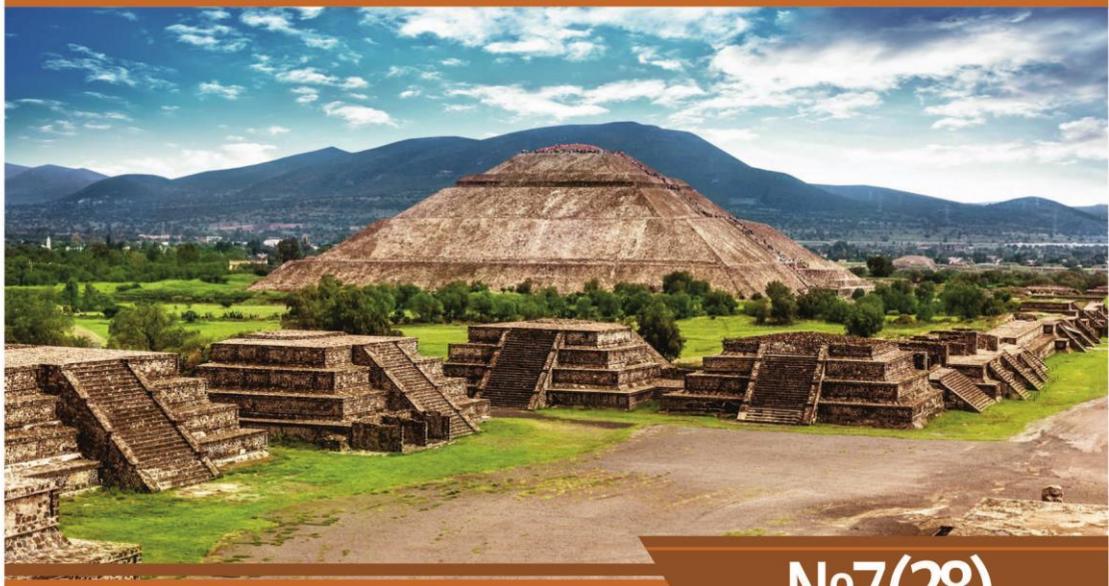

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№7(28)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

МОСКВА, 2019

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам XXVIII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (28)
Сентябрь 2019 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2019

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва;

Монастырская Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, Россия, г. Кемерово.

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:

сб. ст. по материалам XXVIII междунар. науч.-практ. конф. – № 7 (28). – М.: Изд. «МЦНО», 2019. – 50 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2019

Оглавление

Раздел 1. Культурология	5
1.1. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	5
СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ. ЧАСТЬ 3. ИНТЕРЬЕРЫ ЮЖНОГО ФЛИГЕЛЯ Несветаило Татьяна Николаевна	5
1.2. Теория и история культуры	10
САКРАЛЬНОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ГУЦУЛЬСКОЙ ОДЕЖДЕ Лебедева Надежда Анатольевна	10
Раздел 2. Литературоведение	20
2.1. Журналистика	20
ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? Иванищева Ольга Николаевна	20
Раздел 3. Языкознание	24
3.1. Германские языки	24
СЛЕНГ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЧАСТЬ СЛОВАРНОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА Плотников Тимофей Владимирович	24
3.2. Русский язык	29
ФИКСАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА Аль Сади Саад Джумаа	29
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ Маркелова Надежда Алексеевна	40

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ
ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-
АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ВРЕМЯ ФУТБОЛА»)
Ратько Мария Александровна

44

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ. ЧАСТЬ 3. ИНТЕРЬЕРЫ ЮЖНОГО ФЛИГЕЛЯ

Несветайло Татьяна Николаевна

ст. науч. сотр.

*Государственный Русский музей,
РФ, Санкт-Петербург*

STROGANOV'S PALACE IN THE ARTWORKS AND THEIR ROLE IN THE STUDY OF THE CONSTRUCTION HISTORY OF THE BUILDING. PART 2. INTERIORS OF SOUTHERN WING

Tatiana Nesvetailo

*senior researcher, State Russian Museum,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье рассматриваются произведения изобразительного искусства, на которых показаны интерьеры Строгановского дворца южного флигеля, и показывается роль такого рода иконографических источников для изучения истории строительства и реставрации дворца.

Abstract. The article is a comparative analysis of art works, which show interiors of the Stroganov's Palace southern wing, and examines the role of such iconographic sources for studying the construction and restoration history of the palace.

Ключевые слова: реставрация памятников архитектуры; дворцы Санкт-Петербурга; история строительства и реставрации Строгановского дворца.

Keywords: restoration of architectural monuments; palaces of St. Petersburg; the Stroganov's Palace construction and restoration history.

Интерьеры южного флигеля, созданные в первой половине XIX века, – менее других помещений дворца претерпели планировочные изменения и частично сохранили историческую отделку. Как и в ряде других парадных залов, изменение декора происходило наряду с некоторыми изменениями конструкций здания. Перед созданием проекта реставрации встал вопрос о выборе исторического слоя, на который следовало ориентироваться при воссоздании оригинального облика помещений. Этот выбор находился в непосредственной связи с наличием изобразительного материала.

Самый ранний из парадных интерьеров южного флигеля – Большой кабинет графини С.В. Строгановой. Первоначально интерьер, оформленный Ворониным около 1804(?) года, не имел окон и освещался с помощью светового фонаря в потолке. Именно таким показан кабинет на рисунке неизвестного художника из альбома графини С.В. Строгановой (конец 1810-х – начало 1820-х, ГРМ). В Русском музее находятся несколько альбомов, непосредственно связанных с семьей Строгановых. «По своему содержанию и стилистике эти альбомы относятся к тому типу альбомной графики, который получил широкое распространение в дворянской среде в первой половине XIX века и был неотъемлемой частью быта дворянских фамилий. В этих альбомах значительная часть акварелей и рисунков выполнена профессиональными художниками, с ними соседствуют художественные опыты самих Строгановых, их родственников, знакомых. На страницах этих альбомов рисунки, стихи самой хозяйки Софьи Владимировны, альбомы предназначались также для широкого круга гостей, желавших проявить в них свой талант» [1].

Верхнее освещение было задумано, вероятно, для размещения картин, экспозицию которых в стиле декоративного симметризма можно видеть на стенах. Таким образом, кабинет графини являлся своего рода продолжением Картинной галереи графа А.С. Строганова, которая уже не вмещала произведения разрастающейся семейной коллекции. Очевидно, что акварельный рисунок выполнен художником-любителем: сильно нарушены пропорции, схематично показаны барельефы, рисунок паркетного пола. Но именно этот рисунок был единственным источником на первом этапе составления проекта реставрации.

Когда создание проекта было завершено, и велись уже реставрационные работы, на аукционе Christie's появилась акварель неизвестного художника 1810-х годов. Строгановский фонд приобрел ее и передал в дар Русскому музею. Появление нового иконографического источника дало возможность уточнить некоторые детали отделки интерьера, в частности, рисунок паркетного пола, что позволило в оперативном порядке внести коррективы в проект.

Акварель, автором которой предположительно является Е.И. Есаков, была выполнена после 1811 года, не ранее, чем была устроена Малая библиотека, фрагмент которой виден в дверном проеме. Но не позже 1824 года, когда Е.И. Есаков перестал работать для Строгановых [2]. Световой фонарь был утрачен около 1818 г., т. к. препятствовал надстройке верхнего этажа. Тогда же в помещении появились окна. В 1850-60 гг. архитектором Макаровым (?) здесь был устроен кабинет для Татьяны Дмитриевны Строгановой. В интерьере был установлен мраморный камин, который сохранился до настоящего времени.

Сейчас интерьер представляет собой небольшую прямоугольную комнату с двумя окнами во двор. Стены венчаются сложным антаблементом с развитым фризом, в котором сохранились прямоугольные скульптурные панно. И фриз, и рельефы – времени Воронихина. Композиция рельефов представляет собой симметрично расположенных грифонов с растительным орнаментом между ними. Над окнами (на северной стене) и на противоположной (южной) стене находятся по два панно. На торцевых стенах (западной и восточной) – по одному, более длинному. По сторонам рельефов находятся женские фигуры в профиль в виде кариатид, которые поддерживают карниз из чередующихся кронштейнов и розеток, окаймляющий гладкий потолок с лепной розеткой посередине. Рельефные панно являются слепками с рельефов храма Антонина и Фаустины в Риме (II в. н. э.).

Несмотря на то, что былой облик Большого кабинета графини С.В. Строгановой хорошо известен по акварели, восстановить его полностью не представлялось возможным, поскольку наличие верхнего этажа не позволяло воссоздать главную особенность интерьера – остекленный потолок. Для создания иллюзии отсутствия окон были сделаны портьеры, закрывающие окна, из того же зеленого шелка, которым декорировали стены. Реставрация Большого кабинета проходила с 2003 по 2007 год.

Рисунок 1, 2. Слева – Неизвестный художник. Большой кабинет графини С.В. Строгановой (картинный кабинет II).

Рисунок акварелью из альбома графини С.В. Строгановой. Конец 1810-х – начало 1820-х гг. ГРМ; справа – Е.И. Есаков (?) Большой кабинет графини С.В. Строгановой. Конец 1810-х – начало 1820-х гг. Рисунок. ГРМ (Дар Строгановского фонда)

Среди листов из этого же альбома находится акварель с изображением Малой библиотеки (другое название – Малый кабинет). Он находится в южном корпусе, рядом с Большим кабинетом графини С.В. Строгановой. «В центре комнаты — графиня Софья Владимировна в траурном платье. В руке она держит, по-видимому, миниатюрный портрет Павла Александровича, умершего в 1817 году. На стене висят портреты ее мужа, сына и дочерей» [1].

Кабинет был создан А.Н. Ворониным в 1804-1805 гг. одновременно с другими апартаментами для молодой четы Павла и Софьи Строгановых. Первоначальный замысел архитектора, согласно которому внутреннее пространство организовано как миниатюрный античный храм, сохранился до нашего времени.

Небольшое продолговатое помещение с одним окном во двор перекрыто ложным кессонированным цилиндрическим сводом с лепными розетками и орнаментальной росписью в технике гризайль. Последующая декоративная отделка интерьера принадлежит архитектору И.Ф. Колодину и относится к 1818 году. Колодин установил новые коринфские колонны искусственного мрамора и соответствующие им пиластры.

В 1840-е годы некоторые изменения в убранство были внесены П.С. Садовниковым. Садовников установил в комнате камин из темно-зеленого змеевика и расширил проем окна. Ныне существующая роспись между кессонами выполнена, вероятно, во второй половине XIX века. Она отличается от той, которая показана на акварели.

Дальняя от окна часть зала при Воронихине, вероятно, была занята небольшой лестницей, а затем там поставили ванну, скрытую золоченой ширмой между колоннами (также видна на изображении из альбома). В советское время в этом месте был темный коридор, который соединял Большой кабинет и Парадную спальню.

Реставрация Малого кабинета проводилась в соответствии с единственным иконографическим источником – акварелью из альбома графини Строгановой. По этой акварели был подобран цвет стен и рисунок паркетного пола. Более позднюю роспись свода было решено сохранить.

Рисунок 3. Малая библиотека, или Малый кабинет графини С.В. Строгановой. Е.И. Есаков. Не позднее 1824 г. ГРМ

Список литературы:

1. Капарулина О. Альбомы семьи Строгановых и художник Е.И. Есаков // Наше Наследие. – № 61. – 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6107.php> (Дата обращения: 11.08.19)
2. Кузнецов С.О. Строгановский дворец: архитектурная история / С.О. Кузнецов. – СПб: Коло, 2015. – 320 с.

1.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

САКРАЛЬНОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ГУЦУЛЬСКОЙ ОДЕЖДЕ

Лебедева Надежда Анатольевна

*д-р философии в области культурологии,
действительный член Евразийской Академии Телевидения и Радио,
проф. философии Международной Кадровой Академии
Украина, г. Киев*

SACRED IN TRADITIONAL HUTSUL CLOTHING

Nadezhda Lebedeva

*doctor of philosophy in the field of Cultural Studies,
authorized member of Eurasian Academy of Television and Radio,
Professor of philosophy of International Personnel Academy,
Ukraine, Kiev*

Аннотация. Статья посвящена тому, то, что имеет отношение к божественному, иррациональному и мистическому. Её главная цель – на основе изучения научных трудов украинских учёных, личного посещения изучаемого региона описать детали сакрального в традиционной гуцульской одежде. Сделан вывод о том, что комплекс гуцульской одежды представляет собой целостный художественный ансамбль, многогранное и яркое синтетическое культурное явление, которое выражает определенный мировоззренческий комплекс представлений и верований, синтезируя материальное и духовное начало бытия. Художественные образы вместе с функциональной семантикой раскрываются в сакрализации деталей одежды. Таким образом, через ритуальную функцию деталей одежды проявлен духовный пласт культуры и бытия народа.

Abstract. The article is dedicated to that which is related to the divine, irrational and mystical. Its main goal is to describe the details of the sacred in traditional Hutsul clothing based on a study of the scientific works of Ukrainian scientists, a personal visit to the region.

It is concluded that the Hutsul clothing complex is a holistic artistic ensemble, a multifaceted and vibrant synthetic cultural phenomenon that expresses a certain worldview complex of ideas and beliefs, synthesizing the material and spiritual principles of life. Artistic images, along with functional semantics, are revealed in the sacralization of clothing details. Thus, through the ritual function of clothing parts, the spiritual layer of culture and the existence of the people is revealed.

Ключевые слова: культура; природа; сакральное; Карпаты; гуцулы; костюм; гуцульский пояс; рубашка.

Keywords: culture; nature; sacred; Carpathians; Hutsuls; costume; Hutsul belt; shirt.

Сакральное, то, что имеет отношение к божественному, иррациональному и мистическому. Красота дикой природы Карпат завораживает и навевает нечто необъяснимое, что вполне можно назвать сакральным. И неудивительно, что жители Карпат веками трансформировали сакральное-природное в материально-сакральное, проявляя его в деталях традиционной народной одежды.

Украинские ученые С.А. Васина [2], В.И. Городецкий [4], Т.А. Николаева, Г.С. Щербий [15], Т.В. Кара-Васильева [6, 7, 8], О.Ю. Космина [9, 10, 11], Т.В. Космина [12], В. Коцан [13], Т.П. Кривач [14], К.К. Стамеров [16,17], В.В. Миронов [20], Т.А. Николаева [21], К.И. Гуслистый [22], П. Одарченко и Г. Царинник [23], отмечают особенное своеобразие гуцульского наряда. В нем сохранилось много архаичных черт. Люди сами создавали одежду, своими руками, и одевались в неё.

Цель данной статьи – на основе изучения научных трудов украинских учёных, личного посещения изучаемого региона автором описать детали сакрального в традиционной гуцульской одежде.

В одежде, созданной своими руками, гуцулы жили веками, прями шерсть, с которой делали "капчуры", то есть короткие чулки, не доходящие до колен, носки. Рубашка для мужчины, что характерно для всей гуцульской одежды, имела яркую вышивку на месте соединения рукавов со станом. Таковую рубашку гуцулы носили поверх штанов, подпоясываясь при этом широким кожаным поясом, который называется "черес". Характерной особенностью гуцульского череса являются замочки, которые выстроены узорами и вышивкой. Также пояс украшали металлическими деталями с резьбой и тиснением с гуцульским орнаментом. Интересной деталью череса является "клювака" – такой топорик, который был празднично украшен. На нем находилось 14 колец, которые были задуманы для того, чтобы на них

завязывались разноцветные ленточки. Такие ленточки связывались с каждым из колечек.

И в самом топорике, также через маленькую дырочку завязывали ленточку. С таким топориком, то есть с клювакою, молодой ходил и приглашал гостей на свою свадьбу. Образец подобного аксессуара имеем в коллекции частного музея-усадыбы гуцульского искусства семьи Карнелюкив в г. Косов.

"Брюки шились из белого полотна (покренници), цветного сукна (крашеници) или белого сукна (штаны). Штанины снизу иногда закатывались и вышивались" [15, с. 100]. Такие полотняные штаны были узкими, имели отдельную вставку спереди и сзади.

Безрукавка – известной элемент гуцульской одежды, за которым в наше время, чтобы купить, едут в Карпаты специально. Это вещь из овчины, очень теплая, согревает владельца в мороз, может быть одетой под пальто, шубу или другую верхнюю одежду. Сукно для безрукавки делали черного цвета. Показательны, например кожух и безрукавка первой половины XX века неизвестного автора, которые хранятся в коллекции Косовского музея народного искусства и быта Гуцульщины.

Доминирующим в данном ансамбле является белый цвет, с черной канвой горловины и низа.

Синие Карпатские горы воплощены треугольно подобным узором, который перекликается с кругообразными звездами, что воплощают собой солярную символизацию над горами. По окружности расположены те же треугольники синего цвета. Каждый треугольник имеет свою верхнюю точку красного цвета. Такая композиция создает своеобразный контраст, который придает одежде яркость и неповторимость.

Гуцульский женский костюм с белой безрукавкой музея пгт. Ворохты Косовского района Ивано-Франковской области расшит сложной вышивкой, которая состоит из желтых и красных деталей круглой и треугольной форм, образующих неповторимые изображения сказочных цветов и елей. Безрукавка гуцулок была подобна мужскому варианту. Таким образом, овчинные безрукавки гуцулок также выполняли функцию защиты грудной клетки, имели яркую палитру вышивки.

Популярен также "сердак – прямоспинный короткий пиджак из домашнего сукна черного цвета, с боковыми клинками или без них" [15, с. 100]. в частном музее-усадыбе гуцульского искусства семьи Корнелюк сохраняется праздничный сердак гуцульской молодой. Характерной чертой упомянутого экспоната является красный цвет, символизирующий пылкую любовь и страсть, а также радость. Сердак расшитый узорами в форме цветочков, что придает ему значение чистоты, девственности. Сердак молодого – черный, подобно твердости гуцульского характера, но и он также украшен яркими узорами.

Обувь гуцулов называется лаптями. Имеет ладьевидную форму. Лапти делались из цельного куска кожи: на сыромятную кожу, которая имеет белый, будто не окрашенный цвет, собирали цельную кожу через прорези с определенным интервалом. А потом, в центральном месте лаптей закрывался шов. Еще интересно и то, что веревки, которыми шнуруют лапти имели два цвета для женщин – это синий и красный (символ пылкой женской силы), а для мужчин только синего цвета. Запаски вышивали узорами.

Женская гуцульская рубашка представляет собой один из самых древних частей карпатского костюма. Шили ее из сукна или полотна. В крое нет сложных деталей. Все детали прямоугольные, вставка также имеет прямоугольную форму. Рукав прямоугольный, заканчивается обшивкой, то есть нижняя часть рукава собирается к обшивке, шейный обхват – это также вставка вместе со станом собирается к обшивке.

Вышивки видим на вставках и рукавах. Праздничный вариант женской рубашки имел больше вышитых вставок. Обязательно разделение было вышитым. Все крои должны были быть обшиты, как в одежде, которая одевается на голое тело, и рубашка должна иметь все атрибуты защиты от магического негативного воздействия. В музее Косовского государственного института прикладного и декоративного искусства сохраняют рубашку – "довганю", украшенную горизонтальными полосами, которые имеют вид различных узорных линий. В центре композиции рубашки видим три горизонтальных и три вертикальных ромба, которые также расшиты разноцветными сложными узорами. Красный, голубой, желтый цвета внутри, а также черные контуры геометрических фигур представляют неповторимость упомянутого образца гуцульской одежды.

Рубашка гуцулки из музея пгт. Ворохты Косовского района Ивано-Франковской области им. Степана Федака особенно красотой своей горловины: богатство красных, синих, желтых стилизованных цветов небольшого размера замкнуты в прямоугольную форму. Вышитые вставки на рукавах обращают на себя внимание, прежде всего своим ярким контрастом: ярко-синие большие по размеру цветы, расположенные на красном поле.

Нормой было то, что замужние женщины надевали запаски с полосами дважды. Девушкам было разрешено носить юбки. Запаска – деталь женского костюма, которая известна на всей территории Украины. Характерным для нее является, так сказать, несшитость. Это бедренная одежда. Нося свободные фартуки, женщина избегала проблем с женским здоровьем. Энергия матери Земли не была перекрыта и концентрировалась в женском центре, где зарождалась жизнь.

В селе Уторопы Косовского района Ивано-Франковской области в музее Тараса Мельничука хранится много образцов такой одежды, также интересным образцом является красная плахта в музее им. Степана Федака пгт. Ворохта. Плахта красного цвета вышита золотыми горизонтальными узорами-полосами.

Пояс был не только обязательным элементом одежды, но и служил украшением одновременно. Для гуцульского пояса характерны поперечные разноцветные полосы. Шерстяная запаска защищает живот женщины, детородное лоно, которое всегда в гуцульской ментальности было самым важным для женщины. Без такой защиты, без запаски женщина не имела права выйти даже со двора своего дома. Лono женщины – ее сакральный центр, чистота этого лона является соответственно чистотой рода. Рубашка - это нижнее белье, которое обязательно должно быть. "В региональном музее этнографии поселка Буштино находится рубашка женская "довганя" 1875 году, которая пошита из белого домотканого конопляного полотна. Состоит она из четырех широких частей. Детали сшитые вручную швом. Низ рубашки загнутый и украшен рыхлым швом. Рукава рубашки собраны вокруг горловины. На участках сборки налицо тонкий вышитый узор. Рукава также собраны на запястьях и расширены вышитыми манжетами " [19].

По мнению автора данной статьи, красота этой рубашки заключается в её вышивке. Рисунок на рукавах уникален своим необычным узором: гладью вышиты лабиринты синего, красного, белого и фиолетового цветов. Вышивку на рукаве также принято называть "заспальницею", а манжет и волан на рукаве "фидриши".

В рубашке "довганя" 1900 года также видим сочетание в узоре синего, зеленого и розового цветов. Запаски имеют яркую цветовую гамму: наблюдается разнообразие зеленых, голубых, красных оттенков.

Кандидат наук в области искусствоведения Оксана Ярославовна Федина подробно изучала свадебные костюмы Галичины. Исследовательница отмечает, что значимость рубашки ярко и полно проявляется в структуре народной свадьбы. "Она, например, считалась главной частью приданого девушки. Невеста сама должна была сшить и вышить свадебную рубашку себе и жениху. Обычай дарить будущему мужу рубашку имел место во многих архаичных культурах. Образная характеристика свадебной рубашки молодого конца XIX - первой половины XX веков генетически "связана с нарядом церемониального назначения для лиц высокого ранга. Она выступала "ценным" нарядом, изготовленным из материала высокого качества и богато украшенной - "кошуленько шелковая" [25, с. 16].

Ритуальность одежды заключается в том, что это была новая, "специально пошитая для брачной церемонии праздничная рубашка, и жениху подарена невестой" [25, с. 17].

Рубашка, поскольку была прежде всего нижним бельем, находилась у тела человека должна была быть полностью подшитой, чтобы оберегать своего хозяина от магических проявлений мира. Поэтому в орнаментах часто закодированным было, например, дерево жизни, восемь лепестковые цветки, звезды.

Чепец был обязательным атрибутом одежды замужних женщин. Считается, что он также предохраняет сакральную чакру, которая соединяет человека с космосом. Чепец носили дома, покрывая его платком или "покрыткой". Существовало много средств подвязывания такой "покрытки". Считается также, что от женских волос излучается, творится энергия рода, поэтому нельзя ее терять. В музее народного творчества из коллекции Михаила Струтинского г. Косов представлены абсолютно все образцы гуцульской одежды, где можем наблюдать очень красивые покрытки, большие по размеру, красные и белые, украшенные яркими композициями из цветов. Контрастные сочетания узоров создают неповторимость каждого экспоната. Они действительно оберегали своих хозяек от недоброго, поскольку внимание глаз концентрировали именно своим цветовым решением.

"Девичий наряд головы был, как правило, подобием венка: в частности здесь носили старинное "чильце" – нанизанные на проволоку или ремешок медные пластинки в форме маленьких стручков или лепестков» [15, с. 100]. Федор Вовк описал гуцульское "чильце" следующим образом: "Гуцульская чильце (от слова чело), состоит из подвешенных к проводу узких медных пластинок, которые имеют вид или маленьких стручков, или лепестков цветка; чильце носят на лбу, тоже под венком, кажется только самые молодые. Это чильце тоже представляет собой несомненный пережиток старинных налобных украшений княжеского периода, заимствованных из Византии и получивших название "обильные". Гуцульское чильце, приобретённое Ф. Вовком для музея Императора Александра III, "своим рисунком очень подходит к подобным украшениям. Вторая форма, в ней существует у гуцулов, где сама отделка – это ремешок или шнурок с нанизанными на нем в большом количестве пластинками из желтой меди, вырезанными в форме лепестка или листочка с тройным разветвлением. Эта форма также довольно архаична, потому что мы встречаем подобное если не в форме диадемы, то в виде похоронного венка в одной из греческих гробниц в Керчи" [3, с. 128].

Оберегами служили гуцулам украшения. Ожерелье – известная часть женских украшений в Украине, защищавшая грудной сакральный центр. Оно было разнообразным по цвету и материалу, форме и средствам ношения. Его нанизывали таким образом, чтобы не играть с каждым рядом. Популярными были "дукачи" или "личмани", то есть украшения в виде большой медали подобной монеты с металлическим бантом, украшенным камнями. Такая деталь занимала центральное композиционное место во всем комплексе нагрудных украшений. Они служили для того, чтобы защищать человека, поскольку металл забирает лишнюю энергетику, блокирует всё негативное, особенно подходило для этой цели серебро. Украшения отвлекают взгляды посторонних людей. Таким образом, на человека бездействует энергетическая атака, так сказать, темных сил. Фокусировка внимания на круглой бусине идет к центру – на нитку. Нить в таком случае способна порваться, она трескалась будто сама от себя, хотя и была достаточно прочной. Поэтому, гуцулы не дожидались пока нить порвется, а перенизывали украшения на новые основания. В гуцульской одежде много красного цвета, который считается до сих пор таким, что насыщает энергией, то есть оберегом [16, 17, 21].

"На праздники надевали много шейных, ушных и ручных украшений: *згарды* - нанизанные на шнурок крестики, а между них трубочки из латуни или закрученные спиралью медные проволочки; *гердан* - плоская цепочка, подобие ажурного воротника; *глотки* - нанизанные из разноцветного бисера грушевидные серьги, с подвесками из бусин или металлических пластин; *ретьязь, нараквици* (нечто вроде браслетов, сплетенных из разноцветной шерсти), кольца" [15, с. 100].

Андрей Королько, кандидат исторических наук, доцент Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника отмечает, что для традиционной народной одежды гуцулов "присущи строгость, прямолинейность форм силуэта, относительно незначительная дифференциация между мужской и женской нагрудной одеждой, а также верхней одеждой и обувью. Одежда украшается вышивкой, качеством, плетением из шерсти и кожи, металлическими украшениями. В отдельных компонентах одежды сохранились архаические черты, которые достигают времен Киевской Руси" [5, с. 35].

Обратимся к наработкам О.Я. Фединой, детально изучившей традиционный свадебный костюм Галичины. На основе исследования компонентов свадебного народного костюма, то есть комплексов головных уборов, рубашек, верхней одежды, поясной одежды, обуви, украшений, в системе "человек - ритуал - костюм" в их художественном и семантическом аспектах О.Я. Фебина сделала вывод,

что "аутентичные образцы свадебных костюмов сочетают в себе идейно-образные черты, созданные на этических и эстетических принципах крестьянской среды, в котором сохранились древнейшее рудименты языческого мировоззрения, поэтому, в заимствованных элементах господствует византийско-киевская, частично центральная и западноевропейская культуры, на основе которой в ансамблях народного свадебного костюма создавался идеализированный образ "князя" и "княгини" [25, с. 18]. По мнению автора настоящей статьи, гуцульский костюм соединил в себе идейно-образные черты рудиментов языческого мировоззрения, заимствованные элементы, а также сакральную обусловленность каждой детали традиционного гуцульского наряда. Художественный уровень гуцульской традиционной одежды соответствует лучшим произведениям декоративно-прикладного искусства, где сочетаются органично и правильно несколько видов ремесел-искусств таких, как ткачество, вышивка, художественная обработка металла, кожи и камня, ювелирное мастерство и дизайн одежды.

Подробно изучив исследования украинских ученых, посетив музеи Закарпатья, автор статьи делает вывод о том, что комплекс гуцульской одежды представляет собой целостный художественный ансамбль, многогранное и яркое синтетическое культурное явление, которое выражает определенный мировоззренческий комплекс представлений и верований, синтезируя материальное и духовное начало бытия. Художественные образы вместе с функциональной семантикой раскрываются в сакрализации деталей одежды. Таким образом, через ритуальную функцию деталей одежды проявлен духовный пласт культуры и бытия народа.

Список литературы:

1. Боташева С.К. Этноконфессиональное сознание и его проявления в духовной культуре: дис. ... канд. филос. наук: спец. 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» / Сафиназ Казбековна Боташева. – Ставрополь, 2007. – 178 с.
2. Васіна З.О. Український літопис вбрання. Т. II: XIII – поч. XX ст. / Зінаїда Васіна. – К.: Мистецтво, 2006. – 448 с.
3. Вовк Х.К. Студії з української етнографії та антропології / Х.К. Вовк. – К.: Мистецтво, 1995. – 335.
4. Городецкий В.И. Семантика традиційного гуцульського орнаменту в Карпатських топірцях / Віталій Іванович Городецький // Наукова конференція Науковий потенціал 2013 (25–27.03.2013). [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://int-konf.org/konf032013/133-gorodeckiy-v-semantika-tradicynogo-guculskogo-ornamentu-v-karpatskih-toprcyah.html>. (Дата обращения: 28.06.2019)

5. Історія України. – №5-6 (741-742), – лютий 2012. – с. 35.
6. Кара-Васильєва Т.В. Українська вишивка. Альбом / Тетяна Валеріївна Кара-Васильєва. – К.: Мистецтво, 1993. – 263 с.
7. Кара-Васильєва Т.В. Українська народна вишивка / Тетяна Валеріївна Кара-Васильєва, А.О. Заволокіна. – К.: Либідь, 1996. – 96 с.
8. Кара-Васильєва Т.В. Українська сорочка. Альбом / Тетяна Валеріївна Кара-Васильєва. – К.: Томіріс, 1994. – 32 с. – (Тасмниці чарівної нитки).
9. Космина О.Ю. Українське народне вбрання / Оксана Космина – К.: Балтія-Друк, 2006. – 64 с.
10. Космина О.Ю. Українське традиційне жіноче вбрання Київщини. Кінець ХІХ – поч. ХХ ст. Наочний посібник / Оксана Космина – К.: Хрещатик, 1994. – 52 с.
11. Космина О.Ю. Традиційне вбрання українців. Т. 2. Полісся. Карпати / Оксана Космина – К.: Балтія-друк, 2011. – 160 с.
12. Косміна Т.В. Українське весільне вбрання. Етнографічні реконструкції / Т.В. Космина, З.О. Васіна. – К.: Мистецтво, 1989. – 15 с.
13. Коцан В. Традиційний народний одяг великобичківських гуцулів ХІХ – першої половини ХХ ст. / Василь Коцан // Народознавчі зошити. – 2014. – № 2 (116). – С. 328–343.
14. Крвавич Д.П. Український народний одяг ХVІІ – початок ХІХ ст. в акварелях Ю. Глоговського / Дмитро Петрович Крвавич, Галина Григорівна Стельмашук / ред. Ю. Г. Гошко. – К.: Наукова думка, 1988. – 272 с.
15. Культура і побут населення України / В.І. Наулко, Л.Ф. Артюх, В.Ф. Горленко. – К.: Либідь, 1991. – 232 с.
16. Стамеров К.К. Нариси з історії костюмів. Ч. І / Костянтин Кириаківч Стамеров. – К.: Мистецтво, 1978. – 243 с.
17. Стамеров К.К. Нариси з історії костюмів. Ч. ІІ / Костянтин Кириаківч Стамеров. – К.: Мистецтво, 1978. – 188 с.
18. Стельмашук Г.Г. Традиційні головні убори українців / Галина Григорівна Стельмашук. – К.: Наукова думка, 1993. – 240 с.
19. Топеха В. Регіональний музей етнографії сіл пониззя ріки Терєбля [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/369/11.php> (Дата обрашення: 28.06.2019).
20. Миронов В.В. Український костюм / В.В. Миронов, А.Ю. Перепелица. – К.: Мистецтво, 1977. – 20 с.
21. Ніколаєва Т.О. Український костюм. Надія на ренесанс / Тамара Олександрівна Ніколаєва. – К.: Дніпро, 2005. – 320 с.
22. Українське народне мистецтво. Вбрання / під ред. К.І. Гуслистого. – К.: Державне вид-во образотворчого мистецтва і музичної літератури УРСР, 1961. – 328 с.

23. Український народний одяг / ред. П. Одарченко, Г. Царинник. – Торонто-Філадельфія: Світова Федерація Українських Жіночих Організацій Комісія Народного Мистецтва, 1992. – 312 с.
24. Українське народознавство: Навчальний посібник / за ред. С.П. Павлюка. – 3-е вид., випр. – К.: Знання, 2006. – 568 с.
25. Федіна О.Я. Весільний костюм в Галичині кінця ХІХ – ХХ століть (художньо-образна характеристика) : автореф. дис.. на здобуття наук. ступеня канд. мистецтвознавства: 17.00.01. – Львів, 1996. – 27 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

2.1. ЖУРНАЛИСТИКА

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Иванищева Ольга Николаевна

д-р филол. наук, профессор,

*Мурманский арктический государственный университет,
РФ, г. Мурманск*

Аннотация. Цель статьи – показать зависимость популярности фейков от желания потребителей информации получать социальную информацию. Методом аналитического анализа показано, что потребители информации полагаются на вторичную информацию, которая поступает не из какого-либо внешнего источника, а которая предлагает источник социальной информации. Доказано, что непроверенная информация должна быть включена в дефиницию «социальная информация», так как она существенным образом влияет на общественное мнение.

Ключевые слова: социальная информация; фейки; объективность.

Исследование по 6 странам, включая Россию, СНГ и страны Восточной Европы, показывает, что молодежь ожидает появления совершенно новых типов СМИ и их лидерства в информационном поле уже через 5 лет.

Наиболее удовлетворены существующим медиаландшафтом профессионалы, в то время как поколение Z больше остальных групп ожидает существенных изменений в этой сфере, появления совсем новых типов медиа, которые бы больше отвечали их запросам, стилю жизни, способам поиска и потребления информации.

По Д. Гавра, в качестве идеальной коммуникативной субстанции выступает информация, имеющая смысл для субъектов коммуникационного взаимодействия.

Коммуникация имеет место тогда, когда реципиент (получатель, потребитель) реагирует на сообщение или стимул.

Какие подходы «работают» в современном медиапространстве? Р. Крейг определяет следующие подходы к пониманию и определению коммуникации: риторический, семиотический, феноменологический, кибернетический, социально-психологический, социокультурный, критический.

Какой подход будет актуальным в условиях новых медиа, цифровой революции?

Что определит эффективность коммуникации: способность разрешать социальные трудности посредством умелого речевого воздействия на убеждения слушателей (риторический подход)? процесс возникновения понимания и рождения новых значений в ходе декодирования реципиентом сообщений в знаковой форме (семиотический подход)? проживание опыта другого (феноменологический подход)? коммуникация психологическими факторами (подсознательными комплексами, установками, стереотипами), а не знаками (социально-психологический подход)? процесс дискурсивной рефлексии, который предполагает не только передачу информации, а ее осмысление, задание вопросов на понимание, отказ от диктатуры и доминирования во взаимодействии (критический подход)? [см. об этом, например: 1]

Что происходит в современном медиапространстве, почему фейки получили такое распространение, почему СМИ утратили доверие общества?

Проблема современного медиапространства состоит, по моему мнению, в медиадистрибуции информации, в дисперсной публике (пространственно разделенных людей).

Кроме того, в условиях избытка информации ценностью становятся заметность и время. За это и борются средства массовой информации: быть заметными и супербыстрыми.

Заметность приводит к созданию собственной информации (фейки).

Эта проблема уже настолько обозначилась, что о ней стали писать ведущие качественные медиа.

В результате приходим к некому парадоксу: нам важна информация, которая должна быть доступна, коммуникация будет эффективна тогда, когда есть реакция на информацию и массовая коммуникация должна позитивно влиять на общество, но какая же может быть реакция на информацию, если мы не знаем, насколько она истинна, не знаем, манипулируют ли нами или нет и каково может быть влияние СМИ на общество, если развитие новых информационных технологий усиливает дисперсность публики?

Принято говорить, что все мы потрясены большим количеством информации, чем можем себе представить.

Менее распространенным является признание того, что человеческие суждения также полагаются на вторичную информацию, которая не поступает из какого-либо внешнего источника и которая предлагает один из самых мощных инструментов, которыми мы обладаем для борьбы с самим информационным потоком, - это источник социальной информации, или, другими словами, о чем думают другие люди.

Понятие «социальная информация» до сих пор не определено, в науке нет устоявшейся дефиниции, но важно, что эта часть функционирования общества недостаточно оценена.

Поэтому фейковые новости и представляют для нас сейчас такую проблему.

Так, указывается, что в понятие социальной информации не входит информация, которая направлена на дестабилизацию социального организма [2, с. 53]. А тем не менее точное чтение социальной информации - это важный навык, и большинство из нас уделяет огромное внимание практике.

Но информационное наполнение цифровой культуры внесло что-то новое в это положение: совершенно новый уровень зависимости от социальной информации и совершенно новый набор опасностей.

Датские исследователи Винсент Ф. Хендрикс и П. Дж. Хансен дают этим процессам имя - «информационная буря», или инфошторм, в смысле внезапного и бурного потока социальной информации - и предлагают альтернативу.

Вместо того чтобы отчаиваться, решая, что теперь мы живем в эпоху «постправды», управляемой иррациональными силами, они утверждают в своей книге «Infostorms», что многие из сайтов цифрового мира на самом деле являются результатом совершенно рационального принятия решений вовлеченными лицами и берут начало не столько в человеческой глупости, сколько в природе самих информационных сред [3].

Когда мы читаем о чем-то и не знаем, правда это или нет, мы доверяем пишущему, потому проверить сведения у нас нет ни времени, ни желания, и мы подсознательно решаем, что раз кто-то пишет, то он знает. При этом возникает в памяти такой социальный феномен, как сплетни.

В отечественной литературе сплетни анализируются прежде всего как речевой жанр, в том числе во взаимодействии с понятиями «молва» и «клевета» [см., например: 4; 5; 6].

Список литературы:

1. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. Учебное пособие. СПб., 2011. 288 с.
2. Варганов В.В. Социальная информация: сущность и функция // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 52-61.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bbc.com/future/story/20190905-how-our-brains-get-overloaded-by-the-21st-century?ocid=ww.social.link.email> (Дата обращения: 07.09.2019)
4. Сайфулина Э.Р. Сплетня, ссора, лесть и др. как негативно оцениваемые речевые жанры (на примере пословиц о речевом поведении) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 986-989.
5. Халгаева Д.Д. «Светская хроника» как жанр женских электронных журналов: Автореферат дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 26 с.
6. Головкин Р.Б., Сорокина О.Е. Свобода и информация о частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 1. С. 287-290.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

3.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СЛЕНГ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЧАСТЬ СЛОВАРНОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Плотников Тимофей Владимирович

студент,

Томский государственный педагогический университет,

РФ, г. Томск

SLANG AND PHRASEOLOGICAL UNITS AS PARTS OF VOCABULARY OF ENGLISH LANGUAGE AND THEIR COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC USE

Timofei Plotnikov

student,

Tomsk State Pedagogical University,

Russia, Tomsk

Аннотация. Статья посвящена двум основным лексико-семантическим блокам формирования словарного состава английского языка, а именно сленгу и фразеологизмам. На основе анализа обнаруживается, что семантика большинства сленговых слов включает дополнительные коннотации, указывающие на отношение к предмету речи. Фразеологизмы же обладают особой экспрессивностью и актуализируют изобразительные возможности и образную интерпретацию коммуникативной эффективности идеи при обращении к определенной аудитории, а также подразделяются на фразеологизмы в первичной форме и видоизмененные.

Abstract. The article is devoted to two basic lexical and semantic units of vocabulary of English language, namely, slang and phraseological units. Based on the analysis, it is found that the semantics of most slang words include additional connotations indicating attitude to the subject. On the other hand, phraseological units have special expressiveness using figurative interpretation during the process of communication and addressing that to a particular audience. Also, phraseological units are subdivided into units in its primary form and modified.

Ключевые слова: сленг; фразеологизмы; жаргон; семантика; словарный состав английского языка.

Keywords: slang; phraseological units; jargon; semantics; vocabulary of the English language.

Остановимся на двух основных лексико-семантических блоках формирования словарного состава английского – сленге и фразеологизмах.

В английской лексикологии существуют два часто употребляемые как синонимы термина: *slang* и *jargon*. Неоднократные попытки разграничения этих терминов не привели к положительным общепринятым результатам. Многие ученые-языковеды вообще отрицают существование категории сленг. Их аргументация основана на исследованиях английских ученых-лексикографов, главным образом, на их опыте составления английских толковых словарей, где «одно и то же слово в различных изданиях может иметь различное лингвистическое признание; одно и то же слово дается с пометой «сленг» или «жаргон», или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка» [1, с. 108]. В этой связи было предложено использовать термины «сленг» и «жаргон» как синонимичные, данное решение было поддержано многими учеными.

В рамках настоящего исследования под сленгом понимается «специфическое слово или выражение, бытующее в основном в устной речи, характеризующееся ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской и слабым номинативным значением» [3, с. 49].

Итак, для сленга характерна слабая номинативность, поскольку в его значениях присутствует лишь намек на реальное понятие. У некоторой части сленга ассоциации с обозначаемыми предметами и явлениями вообще отсутствуют. В этом случае установить реальное значение возможно только при наличии его дефиниции в специализированных толковых словарях и глоссариях. Семантика большинства слов сленга

включает дополнительные коннотации, указывающие на отношение к предмету речи. Рассмотрим это на примере рекламных текстов:

- *borrowed interest* – «притянутый интерес» (об объявлении, основной мотив которого напрямую связан с рекламируемым товаром);
- *kicker* «брыкливая лошадь» – короткая строчка в тексте рекламы, напечатанная мелким шрифтом и расположенная над заголовком рекламного объявления;
- *above the line* (ATL) – «над чертой» (традиционные рекламные средства, например, пресса, телевидение, радио, кино, транзитная реклама, доход от сотрудничества, с которыми рекламные агентства получают как процент от суммы заказа);
- *nixie* «русалка» – почтовое отправление, возвращенное рекламодателю из-за невозможности доставки (неправильное имя, неправильный адрес и так далее);
- *piggyback* «спина поросенка» – связка из двух рекламных роликов одного и того же рекламодателя, следующих друг за другом и предлагающих разные товары [4 с. 221-334].

Теперь подробно остановимся на фразеологизмах. В качестве лингвистического термина «фразеология» употребляется для обозначения особой отрасли языкознания, которая изучает «устойчивые словосочетания с осложненной семантикой, образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям устойчивых словосочетаний, называемых фразеологическими единицами или фразеологизмами и терминологизмами (термин, предложенный Е.А. Никулиной) [2, с. 5]. При этом фразеология – это величайшая ценность любого языка. В ней, как в зеркале, отражается многовековой опыт народа и его главные нравственные ценности. Кроме того, подтекст, содержащий в себе фразеологизмы, оказывает повышенное речевое воздействие как на уровне убеждения, так и внушения. Показательный пример из серии дубайских баннеров, призывающих сохранять море в чистом виде, на плакатах изображены морепродукты вперемешку с бытовым мусором. Слоган на баннере гласит: «*What goes around comes around. Leave the sea clean*» (Как аукнется, так и откликнется. Сохраняйте море чистым). В данном случае создатели рекламного слогана воспользовались фразеологизмом *What goes around comes around* в его изначальном варианте применительно к конкретной речевой ситуации: если ты выбрасываешь мусор в море – будь готов есть его вместе с морепродуктами» [6].

Фразеологизмы обладают особой экспрессивностью, вызывая у людей ряд ассоциаций. Преимущество фразеологизма заключается в его узнаваемости, что значительно повышает способность воспринимать

суть слогана. Фразеологизмы актуализируют изобразительные возможности и образную интерпретацию коммуникативной эффективности идеи слогана и обращения к целевой аудитории [5, с. 238]. Фразеологические единицы, отобранные при анализе практического материала, можно разделить на две группы:

1) Фразеологизмы в их изначальной, первичной форме: *Cherry Heering breaks the ice* в рекламе пива фирмы «Guinness» (*to break the ice* – положить начало диалогу); *not everything in black and white makes sense* (*black and white* – черным по белому или в письменной форме).

2) Видоизмененные фразеологизмы: *bake it easy* (вместо *take it easy*) [7].

Особый интерес в отобранном практическом материале представляют пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки придают образность высказываниям, насыщают его поучительным смыслом и тем самым оказывают речевое воздействие на людей. В современных реалиях пословицы чаще всего видоизменены ввиду коммерческих целей. Приведем некоторые примеры: «а *Mars a day helps you work rest and play*» – от английской пословицы «*an apple a day keeps a doctor away*»; «*every cloud has a golden lining*» – реклама сигарет «*Benson and Hedges*», вместо *silver* употребляется слово *golden*, так как упаковка сигарет имеет золотую полосу качества» [7].

Как мы можем заметить, сленг и фразеологизмы отличаются экспрессивностью, которая представляется как интегральный результат таких свойств, как эмотивность и образность. Выполняя коммуникативно-прагматическую задачу по воздействию на адресата, данная экспрессивность несет в себе определенную семантическую нагрузку.

Список литературы:

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: классический учебник по стилистике английского языка для факультетов иностранных языков / И.Р. Гальперин. – М.: Либроком, 2014. – 336 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высш. школа, 1996. – 336 с.
3. Моргунова М.Н. Лексика сферы бизнеса в современном английском языке: Монография / М.Н. Моргунова. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 230 с.
4. Назайкин А.Н. Англо-русский словарь по рекламе / А.Н. Назайкин. – М.: Вершина, 2009. – 534 с.
5. Юров Г.И. Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам / Г.И. Юров, М.Т. Жукова. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 310 с.

6. Портал Библиофонда [Электронный ресурс] / Библиофонд электронная библиотека студента. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/download.aspx?id=808288> (Дата обращения: 14.09.2019).
7. Emotional food advertising slogans [Electronic resources] / Food Ad Slogans. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.blubberbuster.com/school/food_slogans.htm (Дата обращения: 14.09.2019).

3.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

ФИКСАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аль Сади Саад Джумаа

*ассистент,
Багдадский университет,
Республика Ирак, г. Багдад*

FIXATION OF GRAMMAR FEATURES IN DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN LANGUAGE

Al Sadi Saad Juma'a

*Professor's assistant, University of Baghdad,
Republic of Iraq, Baghdad*

Аннотация. В статье сделана попытка зафиксировать грамматические признаки в диалектных фразеологических единицах русского языка, которые представлены в существующих диалектных лексико-графических источниках. Ключевыми грамматическими признаками стали числовые (обе числовые формы относятся к одному и тому же денотату), родовые, падежные (компоненты не связаны с функцией парадигматических форм), временные признаки, а также признаки, которые выражают несколько грамматических значений: 1) род / число; 2) вид / время. Доказано, что тот или иной грамматический признак сопровождается определенными пометами в диалектных фразеологических источниках. Названы рекомендации, позволяющие достичь системного, полного, объективного описания фразеологического материала, поскольку в словарях русских народных говоров часто наблюдается грамматическое несоответствие между толкуемым (объясняемым) и толкованием (объясняющим): совершенный / несовершенный вид (при описании способов глагольного действия), переходность / непереходность, возвратность / невозвратность.

Abstract. The article has an attempt to fix the grammatical forms in terms of Russian dialect phraseological units, which are represented in the existing dialect lexicographic sources. The key grammatical forms have been defined numeric (both numerical forms refer to the same denotation), gender, case (components are not associated with the function of paradigmatic forms), time forms, as well as the forms expressing several grammatical meanings: 1) gender / number; 2) aspect / time. One or another grammatical feature has been reported to be accompanied by certain remarks in dialect phraseological sources. The following recommendations have been named that allow a systemic, complete, objective description of the phraseological material to be achieved, because there is often a grammatical discrepancy between the interpreted (explained) and interpretation (explaining) in the dictionaries of Russian folk: dialects perfect / imperfect aspect (when describing methods of the verbal action), transitivity / intransitivity, revocability / irrevocability.

Ключевые слова: грамматический признак; диалектная фразеологическая единица; русский язык; диалектные лексикографические источники.

Keywords: grammatical form; dialect phraseological unit; the Russian language; dialect lexicographical sources.

Постановка проблемы. На современном этапе развития языкознания снова актуализируется внимание к системному анализу диалектных фразеологических явлений русского языка, которые позволяют многим исследователям [4; 5 и др.] пересмотреть активные процессы в диалектах, обнаружить архаические элементы, установить связь между материальным миром и духовной культурой.

При этом некоторые моменты обращают на себя пристальное внимание: фразеологическая единица, как и любое слово, обладает определенным грамматическим значением; во фразеологии, как и в лексике, существует дифференциация всего состава единиц по лексико-грамматическим разрядам; для слова и фразеологической единицы характерны общие грамматические категории и соответствующие способы их выражения; фразеологические единицы, подобно словам, выполняют в предложении определенные синтаксические функции. Именно поэтому *грамматика фразеологической единицы* является одной из ключевых частей общей грамматики языка, однако категориальное различие фразеологической единицы и слова как разных единиц языка предопределяет разное проявление единого грамматического строя в лексической и фразеологической системах.

Необходимо отметить, что фразеологические единицы употребляются в речи только со словами, вступая с ними в отношения и связи в качестве членов предложения и образуя фразеологические сочетания из категориально разных единиц языка (фразеологической единицы и слова), противопоставляемые словосочетаниям, состоящим из категориально однотипных единиц (слов) [12, с. 537]. В составе фразеологического сочетания прослеживаются особенности грамматических значений фразеологической единицы и способы их выражения в языке, а, следовательно, обнаруживаются факторы, которые влияют на грамматику фразеологической единицы. Решение таких вопросов позволяет объективно и исчерпывающе описать грамматические свойства фразеологических единиц в лексикографических источниках.

Цель статьи – зафиксировать грамматические признаки в диалектных фразеологических единицах (далее – ФЕ) русского языка, которые представлены в диалектных лексикографических источниках.

Анализ последних исследований и публикаций. Русская диалектология на современном этапе своего развития имеет большое количество достижений, среди которых можно назвать фундаментальные работы, посвященные изучению фонетики, лексики, грамматики, словообразования русских говоров. При этом развивается *диалектная фразеология* как самостоятельная база знаний, где сделана попытка описать: 1) фразеологический состав русских народных говоров, а именно: функционально-семантическую таксономию сибирского фразеологического материала (А.И. Федоров); 2) семантические классы ФЕ, которые употребляются в псковских говорах и описывают человека, время и количество (Л.А. Ивашко); 3) преобразования, как в компонентах, так и в образах, которые составляют основу «фразеологизированных слововыражений» в псковских говорах (Л.Я. Костючук); 4) динамику фразеологической системы русского языка (В.М. Мокиенко); 5) смысловую структуру диалектных фразеологических единиц говоров Новгородской области (Н.И. Лавров). При этом грамматическая составляющая диалектной фразеологии рассматривалась в работе Н.А. Колебековой, а отдельные грамматические свойства ФЕ в работах А.П. Окуневой, Г.И. Лебедевой, Ф.И. Никоновой, А.А. Хуснутдинова и др.

Фактический материал. Материал для анализа и описания был взят со специальных диалектных фразеологических источников, среди которых: Архангельский областной словарь, под ред. О.Г. Гецевой (1980–2004); Словарь вологодских говоров, под ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина (1983–2005); Псковский областной словарь с историческими данными (1967–2004) и мн. др.

Изложение основного материала. Существующие законы грамматики любого говора влияют на его фразеологическую систему, и это влияние распространяется как на формальные признаки ФЕ, так и на их поведение в определенных контекстных условиях. В первом случае к собственно грамматике диалектной ФЕ описание грамматической специфики ее компонентного состава, морфологических особенностей ее отдельных компонентов имеет лишь косвенное отношение, тем не менее необходимо показать грамматическое своеобразие компонентного строения ФЕ, обусловленное бытованием их в определенной диалектной среде. А.Г. Ломов отмечал следующее: «Разнообразные фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, структурные и семантические отклонения от литературных норм объясняются действием лингвистических процессов, иными словами, их нельзя определять, за редким исключением, как намеренные изменения по воле или прихоти только одного человека. Эти изменения в ФЕ имеют отношение к истории языка, диалектологии, фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксису и семасиологии» [8, с. 239]. Это позволит более конкретно показать различие между грамматической самобытностью формы диалектной ФЕ, с одной стороны, и ее собственно грамматическими свойствами, с другой стороны.

Во фразеологическом составе любого языка или диалекта есть «немало единиц, сохраняющих архаичные элементы формы, немоделируемые с точки зрения современных норм, в том числе и формы конструктивные, синтаксические (ср. фразеологизм *шўтка сказаць*, относящийся, по-видимому, к некогда активным конструкциям типа *трава косить; вода носить*)» [10, с. 92]. Исследователи отмечают, что изучение грамматических особенностей говоров затруднено сложностью сбора необходимого материала, но «в распоряжении лингвистов есть диалектные словари, которые с успехом могут быть использованы для проведения соответствующих исследований», которые «дают полноценный и достоверный материал для изучения диалектной грамматики» и «должны активнее привлекаться лингвистами с этой целью» [9, с. 128–130]. Учитывая все изложенное выше, попытаемся обратиться к фразеологическому материалу, который представлен в диалектных лексикографических источниках, и продемонстрировать, как в компонентном составе фразеологических единиц отражаются живые грамматические формы тех говоров, в которых эти фразеологические единицы функционируют.

1. Числовые признаки:

ГОСТЬ С ВОЗКИ, об. мн. – ‘человек, приезжающий на праздник из другой местности’; НАСТЕБАЛ(И) ГУСЕЙ – ‘у кого-н. появились

цыпки»; БУДЬ (БУДЬТЕ) ДОВОЛЕН (ДОВОЛЬНЫ) – 1. ‘будь добр, изволь (сделать что-н.)’, 2. ‘приветствие при прощании: Будьте здоровы!’; БЕРИ (БЕРИТЕ) МЕСТО – ‘приглашение сесть к столу’ и др. Не стоит относить к парадигматическим формам следующие примеры: ЗЛОЙ ДЕНЬ (ЗЛЫ ДНИ) – ‘безрадостное время’; БОЛЬШОЙ СТОЛ (БОЛЬШИЕ СТОЛЫ) – ‘празднество в доме жениха на второй день свадьбы’ и т. п. – здесь множественное число именных ФЕ не связано с обозначением реальной множественности каких-либо предметов и обе числовые формы относятся к одному и тому же денотату, поэтому следует считать их не грамматическими формами, а грамматическими вариантами одной ФЕ.

2. Родовые признаки:

ЛЕПЕТЛИВ(А) НА ЯЗЫК – ‘о любящем поговорить’; В УГОЛ ЗАПИХАН(А) – ‘о робком, незаметном человеке’; ЛЁГКИЙ (ЛЁГКАЯ) НА НОГЕ – ‘кто-л. может быстро и много ходить, не зная усталости’; САМ (САМА) ПО СЕБЕ – ‘другой, не такой’ и др.

3. Падежные признаки:

ВСЯКО МЕСТО (ВСЯКОГО МЕСТА) – ‘о многом, всяком, разнообразном’; ПЕЧНОЙ ХОЗЯИН, ПЕЧНОГО ХОЗЯИНА – ‘домовой’ и др. Изменение по падежам именных компонентов в составе фразеологических единиц типа БЕЛУЮ (-ОЙ) ЛОШАДЬ (-И) ИЗ-ЗА КУСТА (ЗА КУСТОМ) НЕ ВИДНО – ‘о темных ночах после окончания белых ночей’; ДОСТАВАТЬ ОГОНЬ (ОГНЯ, ОГНЮ [...]) – ‘зажигать электричество’ и т. п. демонстрирует не грамматические формы этих ФЕ, а их грамматические варианты, поскольку подобные модификации компонентов «не связаны с функцией парадигматических форм», выражающих связи и отношения ФЕ со словами в речи [11, с. 25]. Интересным выдается мнение В.М. Огольцева относительно парадигматики устойчивых сравнений русского языка: «Совокупность возможных форм грамматически главенствующего или единственного в структуре знаменательного слова [...] составляет парадигму устойчивого сравнения. Совокупность же возможных грамматических форм зависимого слова или слов [...] составляют грамматические варианты устойчивого сравнения» [13, с. 22].

4. Временные признаки:

ГРУБОСТЬ ОДОЛЕЛА (ОДОЛЕЕТ) – ‘тоска взяла (возьмет)’; ЛАСТОЧКА ПРОЛЕТИТ (ПРОЛЕТЕЛА) – ‘о болезни коровы, когда в молоке появляется кровь’; ГОЛОС ВЫНОСИТ (ВЫНОСИЛ) – ‘хватает голоса, может петь’; С НЕБА НЕ БРОСЯТ (НЕ БРОСИЛИ) – ‘само собой, без труда ничто не получится, не произойдет’ и др.

5. Признаки, выражающие несколько грамматических значений:*1) род / число:*

КАК В ЯМУ УПАЛ (-А, -И) – ‘кто-либо неожиданно и бесследно исчез, пропал’; КАК С ПЕЧКИ СВАЛИЛСЯ (-ЛАСЬ, -ЛИСЬ) – ‘кто-либо внезапно, неожиданно появился’; САМ (САМА, САМИ, САМЫ) СОБОЙ – а) ‘без помощи, вмешательства кого-н.; самостоятельно, независимо’, б) ‘в одиночку, сам с собой’; ПОЛНО, ЧТО И ВИДЕЛ (А, И) – ‘о ком-н. мгновенно скрывшемся, исчезнувшем из поля зрения’ и др.

2) вид / время:

ДУША ВЫШЛА (ВЫЙДЕТ, ВЫХОДИТ) – ‘наступила (наступает) смерть’; ДУШИ НЕ ХВАТАЕТ (ХВАТИТ) (у кого) – ‘имеется нехватка дыхания (для исполнения протяжной песни)’; ВОРОГУША НЕСЁТ (ПРИНЕСЛА) кого-л. – ‘о нежелательном приходе кого-л.’; С НЕБА ПАДАТ (ПАЛО) – ‘достается без труда, легко’ и др.

Прежде всего в специальных, фразеологических, лексикографических источниках проявляется определенное внимание к грамматическому аспекту лексикографической разработки диалектных ФЕ. В предисловиях к другим словарям северорусских говоров ничего не говорится ни о синтаксических отношениях описываемых там ФЕ с окружающими их словами, ни об их грамматических формах, обеспечивающих возможность этих отношений. Тем не менее грамматические сведения о том или ином диалектном фразеологизме могут быть эпизодически представлены непосредственно в самом корпусе словарей: при анализе словарных статей обнаруживается некоторая грамматическая информация о ФЕ, не оговоренная во вступительной статье того или иного словаря в качестве параметров его описания.

Отдельные указания на тот или иной грамматический признак могут сопровождать ФЕ, при этом они оставляют в стороне многие аналогичные случаи и поэтому выглядят случайными: эти указания выражаются пометами, которые применяются крайне нерегулярно, лишь изредка проскальзывая по всему корпусу словаря то в одной, то в другой словарной статье.

1. При помощи помет, определяющих, в предложениях какого типа и в качестве какого члена предложения употребляется ФЕ, может быть обозначена синтаксическая модель функционирования фразеологической единицы: ЧУДО БЕРЁТ, безл. – ‘странно, удивительно’; СЕКИР ГОЛОВА кому, безл. предикат. – ‘не избежать трепки, нагоняя’; НИ ГУМ-ГУМ, предикативно – ‘совсем ничего не понимает; совершенно не может говорить’; КАК КУРАЧНАЯ, в знач. сказ. – ‘о беспокойном, вертлявом ребенке’; С ДУШКОМ. В роли гл. члена – ‘обладая своевольным, своенравным, самостоятельным характером, с норовом’; ДУМАТЬ

МОЖНО (МОЖНО ДУМАТЬ). В роли вводн. слова – ‘вероятно, наверное’ и др. Иногда подобная помета кажется неоправданной (ср.: ВСЁ ПРОШЛО И ПОКАТИЛОСЬ. Безл. – ‘о невозвратно ушедшем’: *Чё уж, всё прошло и покатилося, наплевай, не пиши.* (В-Уст, Парфеновская Выставка). и др.) или излишней (ср.: В ТУПИК ЗАЕХАЛО. Безл. – ‘о незаконченном деле’: *Накопили денёг, а потом в тупик у их заехало, так и не купили.* (В-Уст, Подсосенье). и др.).

В ряде случаев такое указание служит (или могло бы служить) средством дифференциации нескольких значений одной ФЕ:

ВЫТЯНУТЬ ЯЗЫК – а) безл. ‘натрудить долгим говорением’: *Ой, не знаю, язык и так вытянуло, устала.* (Кондоп.), б) ‘сильно устать’: *Язык вытянула, уж пришла еле-еле.* (Кондоп.);

АРЕДОМ ВЗЯТЬ. Личн. и безл. – ‘сделать что-либо (убрать, сломать, съест и т. п.) сразу, в один прием, полностью’: *Вот пришли мужики, всё быстро сделали, вот и говорят: аредом взяли.* (Устюж, Черная). *И розетку-то всё аредом взяло (от удара молнии).* (Устюж, Михалево) и т. п.

2. При помощи помет, называющих ту или иную часть речи, может быть показано лексико-грамматическое соответствие между ФЕ и словом определенной частеречной принадлежности: В КУЧУ, в знач. нареч. – 1. ‘одновременно’, 2. ‘в одно место’; НА ЛЕШИЙ СЛЕД – [...] в) как междом. ‘выражает возмущение, негодование’; ГОРЕ НЕТ (ГОРИ НЕТ), междомет. – ‘служит для выражения утешения: оценивая данную ситуацию, говорящий не считает ее поводом для огорчения, дает понять, что в ней нет ничего страшного и трагического’; УЖАС ДИКОЙ, межд. – ‘для выражения сильного удивления, недоумения’; ДРУГОЙ-ЭТОТ. В знач. сущ. – ‘какой-нибудь, один из двух (трех и т. д.) возможных, всякий’ и др.

3. При помощи помет, указывающих на род, именная ФЕ может быть отнесена к женскому, мужскому, среднему или общему роду: ДИКАЯ ВЕТЛЯНКА, ж. – ‘женщина легкого поведения’; ЁРА-МАЁРА, м. – ‘о взьерошенном человеке’; ПЕЧНОЕ МЕСТО (МЕСТЕЧКО), ПЕЧНОГО МЕСТА (МЕСТЕЧКА), ср. – ‘деревянное основание русской печи’; БОРОНА СУКОВАТАЯ, муж. и жен. – ‘болтливый человек, перебивающий других во время разговора’ и др.

4. При помощи помет спорадически могут быть выражены и некоторые другие грамматические признаки ФЕ: ВЕРКАТЬ-ПОЛУВЕРКАТЬ, несов. – ‘ломать, разрушать, коверкать’; ЗАКЛАДАТЬ ТОНЮ (возвр. ТОНЯ ЗАКЛАДАЕТСЯ) – ‘опускать невод под лед на определенном участке лова (рыболовной тоне)’; ЕРШОВОЕ МОЛЬЁ. Собират. – ‘мальки рыб с большим количеством костей’ и др.

Все описанное выше показывает, что некоторая грамматическая информация о диалектной фразеологии может, во-первых, предопределяться вводной частью того или иного словаря (даже при условии, что специальный раздел, посвященный этому аспекту лексикографического описания ФЕ, в словаре отсутствует) и, во-вторых, обнаруживаться в словарях, предисловия которых не содержат никаких прямых указаний на спектр грамматических показателей той или иной диалектной ФЕ. В целом для характеристики лексикографического состояния грамматики диалектной фразеологии можно использовать образное выражение В.В. Виноградова: «Тут царит случайность» [2, с. 255].

Исследователи констатируют, что важным показателем качества словаря является правильная и полная презентация в нем ФЕ, отражение в нем парадигматической полноты / неполноты представляемых ФЕ [1, с. 341–342]. Для исследователя грамматики ФЕ большую ценность имеют грамматические пометы при фразеологизмах, служащие пониманию их грамматической природы и представляющие их постоянную грамматическую характеристику.

В настоящее время появляются новые проекты «частных» словарей, авторы которых предполагают описывать отдельные фрагменты фразеологического спектра современного русского литературного языка. И знаменательно то, что в число обязательных параметров описания ФЕ авторы многих словарных проектов намерены включить указание на такие их грамматические признаки, как «особенности функционирования грамматических категорий» [3], «особенности изменения форм лица, времени, наклонения» и неполнота парадигмы [14], вид, переходность и субъектно-объектные отношения [15], вид и переходность [6], «категориальная принадлежность» [16] и др.

Для современной диалектной фразеологии важно принять к сведению имеющиеся рекомендации, позволяющие достичь системного, полного, объективного описания фразеологического материала, поскольку в словарях русских народных говоров часто наблюдается грамматическое несоответствие между толкуемым (объясняемым) и толкованием (объясняющим). Например, разработка глагольных ФЕ подчас обнаруживает несоответствие значений:

1. Совершенного / несовершенного вида (при описании способов глагольного действия):

а) УЙТИ ЗА ГУЛЯНКОЙ – ‘вести разгульный образ жизни’: *Да никто за этим парнём не доглядывает, мать ушла за гулянкой, отец тожé пьяница.* (Турлавы Ус.); ПОЙТИ ПО ЛЮДЯМ – 1. ‘нищенствовать, собирать милостыню’: *Нас было много в семье-то робят, родители-то померли, а мы по людям пошли.* (Мош.). [...] и др. → в толковании

должна быть отражена идея начинательности обозначенного фразеологизмом действия: УЙТИ ЗА ГУЛЯНКОЙ – ‘начать вести разгульный образ жизни’, ПОЙТИ ПО ЛЮДЯМ – ‘начать нищенствовать, собирать милостыню’;

б) ПО КРАЮШКАМ ПОХОДИТЬ – ‘хлестать по ягодицам’: *Возьму палку да по краюшкам похожу, будешь знать.* (Сямж. Монаст.); ПОМЫТЬ ЗУБЫ – ‘смеяться, насмехаться над кем-н.’: *Уж зубов помыли над Матреной.* (Онеж.) и др. → в толковании должна быть отражена идея ограничения во времени обозначенного фразеологизмом действия: ПО КРАЮШКАМ ПОХОДИТЬ – ‘некоторое время похлестать кого-либо по ягодицам’, ПОМЫТЬ ЗУБЫ – ‘некоторое время посмеяться над кем-либо’;

в) СЪЕСТЬ СЪЕДОМ – ‘бесконечно мучить попреками, бранью’: *«Вы почто не вместе с женой?» – «Ой, мама, она меня съедом съела».* (Карг.); ВЫРОНИТЬ ВСЕ СЛЁЗЫ ПО КОМ-Н. – ‘много плакать, огорчаясь, горюя о ком-н.’: *Я растила яво, фсе слёзы на нём выранила, аслепла ат слёс.* (Пск.). *Я на ём фсе слёзы выранила, фсе глаза праплакала.* (Пск.) и др. → в толковании должна быть отражена идея результативности (исчерпанности) обозначенного фразеологизмом действия: СЪЕСТЬ СЪЕДОМ – ‘совершенно замучить кого-либо попреками, бранью’, ВЫРОНИТЬ ВСЕ СЛЁЗЫ – ‘много плача, до предела изнервничаться, изволноваться о ком-н.’;

2. Переходности / непереходности:

АРЕХОМ ВЗЯТЬ – ‘устроить беспорядок, разгром’: *И украсть-то ничего не украли, а все арехом взяли, весь амбар перевернули.* (Чаг.). *А вчерась в угород убежал, дак всё арехом взял в угороде.* (Чаг.); ХВАТАТЬ НАХВАТ – 1. ‘пользоваться большим спросом’: *В магазине круппу хватают нахват.* (Парф.). [...] и др. → в толковании фразеологизма, управляющего существительным или местоимением в форме прямого винительного падежа, должен быть использован переходный глагол: АРЕХОМ ВЗЯТЬ – ‘привести в беспорядок, разгромить что-либо’, ХВАТАТЬ НАХВАТ – ‘моментально покупать, приобретать что-либо’;

3. Возвратности / невозвратности:

ВЫСКОЧИТЬ ИЗ ГОЛОВЫ – ‘забыть, не вспомнить’: *Из головы выскочило.* (Вин. Брк.); ПРИЙТИ К УМУ – ‘вспомнить, припомнить’: *А вот когда к уму придёт, дак и споем.* (Пуд.); СОЙТИ НА УМ – ‘вспомнить что-л.’: *без иллюстр.* (Новг.) и др. → в толкование данных фразеологизмов должны быть включены возвратные глаголы: ВЫСКОЧИТЬ ИЗ ГОЛОВЫ – ‘забыться, не вспомниться’, ПРИЙТИ К УМУ – ‘вспомниться, припомниться’, СОЙТИ НА УМ – ‘вспомниться’.

При подаче глагольно-пропозициональных ФЕ в диалектном словаре зачастую выявляется несоотнесенность личного и безличного значений, когда заголовочная форма ФЕ предполагает наличие конкретного субъекта воздействия на кого-либо или на что-либо, в то время как в иллюстрациях находим «описание результативных состояний безличными конструкциями с обобщенным каузатором» [7, с. 109]: ИЗ ПАМЯТИ ВОН ВЫКИНУТЬ – ‘потерять сознание’: *Меня из памяти вон выкинуло.* (Оп.); ИЗ УМА ВЫБРОСИТЬ – ‘потерять на некоторое время способность разумно мыслить’: *Я подошла, посмотрела, чё народ собрался. Поглядела: Ленька мёртвой лежит – меня из ума выбросило сразу.* (Харён.); НАУЛОМ ЛОМИТЬ – ‘испытывать сильные боли’: [...] *Лист принесла, под лавку бросила, а сама спластала на кровать, голову наулом пошто-то ломило.* (Свалова Сол.) и др.

Такое словарное оформление глагольно-пропозициональной фразеологии затемняет реальные субъектно-объектные отношения между ФЕ и ее словесным окружением. Справедливости ради отметим, что иной раз глагольно-пропозициональные ФЕ, уподобленные в начальной форме фразеологизмам глагольным, сопровождаются пометой «безл.», позволяющей в некоторой степени осознать различие между единицами этих разных лексико-грамматических разрядов: ПОКРЫТЬ СЛЕПОТОЙ, безл. – ‘ослепнуть’: *Случай мой такой: слепотой меня покрыло.* (Медв.); ВЫШИБАТЬ ИЗ ПАМЯТИ. Безл. – ‘терять сознание’: *Из памяти феё вышибало, оцця-то хоронила;* В НЕМОЧЬ КИДАТЬ. Безл. – ‘испытывать дурноту’: *Едва сбродила к дочери-то, не могу, прямо в немочь кидает.* (В-Важ, Машковская) и др.

Более правомерным, однако, представляется такое оформление глагольно-пропозициональных ФЕ, когда заголовок соответствует именно этому лексико-грамматическому разряду: ЛИХОТОЙ ЗАБРАЛО кого – ‘кто-н. испугался’: *И как забрала меня лихотой. Испугалась, ужахнулась.* (Пуст.); ХУДОБОЙ БЬЁТ – ‘мучают припадки’: *У тя парня-то все ишо худобой бьёт али нет?* (Диково Караг.); НА ЗАДНИ(Е) БАБКИ САДИТ – ‘очень тяжело нести’: *Меня так на задьни бапки и садит.* (Шенк. Шгв.); ЗАСКЫРКАЛО НА СЕРДЦЕ – ‘кому-либо грустно, беспокойно, тревожно’: *Заскыркало на сердце, будто кошки.* (Нлн.) и т. п.

Выводы. Анализ диалектных фразеологических единиц русского языка, которые были взяты с различных диалектных фразеологических источников, дал возможность продемонстрировать, как в компонентном составе фразеологических единиц отражаются живые грамматические признаки тех говоров, в которых эти фразеологические единицы функционируют. Основными грамматическими признаками были названы

числовые, родовые, падежные, временные признаки, а также признаки, которые выражают несколько грамматических значений: 1) род / число; 2) вид / время. При этом особого внимания заслуживают рекомендации, позволяющие достичь системного, полного, объективного описания фразеологического материала, поскольку в словарях русских народных говоров часто наблюдается грамматическое несоответствие между толкуемым (объясняемым) и толкованием (объясняющим): совершенный / несовершенный вид (при описании способов глагольного действия), переходность / непереходность, возвратность / невозвратность.

Список литературы:

1. Арсентьева Е.Ф., Сафиуллина Г.Р. Вопросы создания русско-турецкого фразеологического словаря // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура. Материалы Всерос. науч. конф. В 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. – Ч. 2. – С. 340–344.
2. Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. – С. 243–264.
3. Гончарова Н.В. О словаре предметной поэтической фразеологии О. Мандельштама // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Материалы Межд. науч. симпозиума (Третьих Жуковских чтений). Великий Новгород, 2004. – С. 355–358.
4. Докучаева Р.М., Ставшина Н.А. К вопросу о составе фразеологического словаря печорских говоров // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Материалы Межд. науч. симпозиума (Третьих Жуковских чтений). Великий Новгород, 2004. – С. 461–466.
5. Зубова Ж.А. О работе над фразеологическим словарем орловских говоров // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. Сб-к науч. статей. Орел: Орлик, 2004. – С. 64–67.
6. Кабыш В.И. Структура словарной статьи автономного частного «Словаря процессуальных фразеологизмов с компонентами БРАТЬ / ВЗЯТЬ» // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Материалы Межд. науч. симпозиума (Третьих Жуковских чтений). Великий Новгород, 2004. – С. 145–147.
7. Лазуткина Е.М. Грамматическая обусловленность устойчивых выражений (на материале соматических речений) // Грани слова. Сб-к науч. статей. М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 104–110.
8. Ломов А.Г. Узуальные изменения нелитературных фразеологических единиц // Фразеология – 2000. Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула: Изд-во ТГПУ, 2000. – С. 239–242.

9. Мазилова А.Ю. Возможности использования областных словарей для изучения диалектной грамматики // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Материалы Всерос. науч. конф. Ярославль: ЯГПУ, 2001. – С. 128–130.
10. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989.
11. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977.
12. Молотков А.И. Послесловие к переизданию «Фразеологического словаря русского языка» // Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994. – С. 537–541.
13. Огольцев В.М. О грамматических пометах в словаре устойчивых сравнений // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Сб-к науч. трудов. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1978. – С. 21–29.
14. Свиридова А.В. К проблеме составления тезауруса фразеологизмов с компонентом НЕ // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Материалы Межд. науч. симпозиума (Третьих Жуковских чтений). Великий Новгород, 2004. – С. 90–93.
15. Соколова А.А. О словаре процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Материалы Межд. науч. симпозиума (Третьих Жуковских чтений). Великий Новгород, 2004. – С. 100–102.
16. Шведова Н.В. К проблеме создания частного словаря фразеологизмов с компонентом «бог» // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской. Вып. 2. Материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Н.Б. Усачева. Курган: Изд-во КГУ, 2005. – С. 219–222.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Маркелова Надежда Алексеевна

аспирант

*Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа*

Современная концепция обучения, деятельность людей в процессе обучения носит учебно-познавательный характер. Поэтому эффективность обучения в целом и во многом определяется умением педагогов организовать учебный процесс в соответствии с основными закономерностями учебно-познавательной деятельности обучаемых.

С их учетом разрабатываются также разнообразные педагогические (дидактические) концепции обучения. Под концепцией обучения понимается совокупность обобщенных положений или система взглядов на понимание сущности, содержания, методики и организации учебного процесса, а также особенностей деятельности обучающихся и обучаемых в ходе его осуществления.

В современных условиях коренным образом меняется парадигма образования.

Процесс знаний представлялся в виде передачи знаний в готовом виде, при котором творческая, социокультурная составляющая учебного процесса минимизировалась. Принятие Концепции преподавания русского языка и литературы наглядный этому пример.

9 апреля 2016 года Правительством Российской Федерации утверждена Концепция преподавания русского языка и литературы. Несомненное достоинство Концепции – ее краткость и внятность. Она очерчивает основные проблемы в области преподавания русского языка и литературы и намечает пути выхода из них.

Причем делает это обобщенно, не подменяя собой действующие конкретные документы, такие, как ФГОС, Примерные программы по предметам, кодификатор ЕГЭ. Задавая необходимые векторы и константы преподавания русского языка и литературы, Концепция предоставляет поле для разумной вариативности, необходимой в гуманитарных дисциплинах. Концепция обращена ко всем, написана понятно, без наукообразной терминологии. Вместе с Концепцией математического образования и Концепцией преподавания истории, принятыми ранее, она составит важный базовый фундамент российского образования [1].

Ведущей педагогической стратегией современности становится культурное самоопределение личности в образовательном пространстве (личностно-ориентированный подход, лингвокультурологический подход) с ценностной ориентацией, позволяющее личности правильно ориентироваться в современном мире, осмыслять его как совокупность культурных достижений (культурных концептов) человеческого общества, готовиться к взаимопониманию и продуктивному общению представителей разных культур. Образование, мыслимое в пространстве, становится миром, которым управляют разум, наука, культура, человечность [2].

Современные концепции обучения русскому языку проявляются в регламентации деятельности, принудительности обучающих процедур, ориентации на «среднестатистического» ученика. Методы усвоения знаний основываются на обучении по образцу, индуктивной логике (от частного к общему), механической памяти, вербальном изложении

материала, репродуктивном воспроизведении. Традиционное обучение остается единообразным и невариативным, несмотря на декларацию о свободе выбора и вариативности. Планирование содержания обучения – централизовано, базисные учебные планы основываются на единых для всех стандартах. Формирование компетенций, неотъемлемая часть школьного образовательного процесса.

Современная концепция обучения немислима без понятий «лингвокультурологический подход» и «лингвокультурологическая компетенция». Лингвокультурологическая компетенция определяется как совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенной в языке; аналитических умений и готовности к аксиологической интерпретации языковых фактов, которые приобретаются в процессе освоения этнокультурных ценностей и регулируют коммуникативное поведение представителей страны изучаемого языка. Особое внимание уделяется описанию основных видов умений, необходимых для работы с текстами, а также методам и приемам учебной работы.

Так, В.Н. Телия определяет лингвокультурологическую компетенцию как способность понимать культурно-национальную ментальность носителей языка, выраженную в культурной семантике языковых знаков и умений «интерпретировать языковые знаки в категориях культурного кода» [6, с. 12].

Знания о культуре и языке, понимание языковой картины мира, осознание национально-культурного компонента языковых единиц, владение языком как сокровищницей культуры, всестороннее и углубленное изучение русского языка, основные аспекты современного образовательного процесса.

В.В. Воробьев определяет лингвокультурологическую компетенцию как знание идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Описывая взаимосвязь языка и культуры и говоря о лингвокультурологической компетенции, он подчеркивает, что данная концепция в методическом плане имеет своей целью обучение языку. Культура постулируется В. В. Воробьевым как объект обучения, предъявление учебного материала происходит не от языковой, а «от культурной единицы». Лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой, но оказывается глубже содержательно [4, с. 56].

Д.И. Башурина так же считает, что лингвокультурологическая компетенция представляет собой систему знаний о культуре, выраженную в национальном языке, и комплекс умений по оперированию этими знаниями. Автор приходит к выводу, что способность к межкультурной коммуникации рассматривается как следствие формирования у учащихся вторичного когнитивного сознания в процессе овладения

иностранным языком, что может быть достигнуто в ходе работы над изучением лингвокультурологическим репрезентативных фрагментов культуры [3].

Н.Ф. Алефиренко считает, что работу над формированием лингвокультурологической компетенции следует начинать уже на начальном этапе обучения русскому и иностранному языку, поскольку именно она помогает проникнуть в природу культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком [2].

Таким образом, мы вслед за В.В. Воробьевым, Н.Ф. Алефиренко, считаем, что современная концепция обучения русскому языку, образования и непосредственно лингвокультурологическая концепция обучения опирается на общие психолого-педагогические, лингводидактические и лингвистические основы обучения языкам, в то же время она предполагает лингвокультурологические основы и опирается на основные понятия науки лингвокультурологии. Это материальная и духовная культура, созданная человечеством и выраженная в языке.

Список литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
2. Башурина Д.И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям Текст: дис. канд. пед. наук / Д.И. Башурина. – Санкт-Петербург, 2005. – 242 с.
3. Воробьев В.В. Прикладная лингвокультурология [Текст]: сборник учебно-методических материалов для обучения русскому языку. – М.: РУДН, 2013. – 236 с.
4. Дортман С.Р. Обучение лингвокультурологической компетенции учащихся средних профессиональных образовательных учреждений Текст: дис. канд. пед. наук / С. Р. Дортман. Пятигорск, 2012. – 180 с.
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями образования) (уровень бакалавриата): постановление Правительства РФ от 3 июня 2013 г. № 466 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 23. – Ст. 2923).
6. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: От мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. – М., 1993. – С. 309.

**ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ
ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-
АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ВРЕМЯ ФУТБОЛА»)**

Ратько Мария Александровна

*канд. филол. наук, доцент,
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
Республика Беларусь, г. Минск*

**LINGUISTIC MEANS OF CREATING EXPRESSIVITY IN
INFORMATIONAL AND ANALYTICAL TV-PROGRAMS
(ON THE BASIS OF THE PROGRAM “FOOTBALL TIME”)**

Maryia Ratsko

*PhD in Philology, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Республика Беларусь, г. Minsk*

Аннотация. Статья рассматривает основные языковые способы создания экспрессивности в информационно-аналитических телепередачах, в частности, посвящённых спортивным событиям. Такие языковые средства, как фразеологизмы, эпитеты, метафоры, перифразы, метонимии, способствуют дополнительному привлечению внимания зрителя.

Abstract. The article considers the main linguistic ways of creating expressivity in informational and analytical TV-programs, in particular, the ones about sport events. Such linguistic means as phraseological units, epithets, metaphors, periphrases, metonymy contribute to attracting more attention of viewers.

Ключевые слова: телепередача; информационно-аналитический; спортивное событие; языковые средства; фразеологизм; метафора; эпитет; метонимия.

Keywords: TV-program; informational and analytical; sport event; linguistic means; phraseological unit; metaphor; epithet; metonymy.

Информационно-аналитические телевизионные программы призваны, в первую очередь, сообщать зрителю информацию о каком-либо событии, а также предоставлять обзор и мнение специалиста. Для того, чтобы привлечь внимание и вызвать интерес зрителя, создатели телепередач используют в основном аудио-визуальные средства, включающие в себя множество компонентов: внешность и манеры ведущего, дизайн заставки программы, музыкальное сопровождение, оформление студии, выбор наиболее интересных видеороликов и т. д. Однако немаловажную роль также играют лингвистические средства, которые используются ведущим и гостями программы. Здесь имеет место такое понятие, как экспрессивность. И.В. Арнольд определяет экспрессивность как «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [1, с. 12]. Можно сказать, что экспрессивность может приобрести любая языковая единица, но только в определенной речевой ситуации, то есть в контексте. Как подчёркивает Е.А. Рожнова, экспрессивность большинства слов зависит именно от контекста, в котором, они употребляются. В конкретном контексте слово может приобретать определённое эмоциональное звучание, а может и, наоборот, потерять его благодаря контексту [3, с. 176]. Экспрессивность призвана привлекать внимание читателя, усиливать значение слова или выражения, указывать на степень проявления того или иного признака.

Если рассматривать телевидение, то особенно широко экспрессивные языковые средства употребляются в телепередачах, посвящённых развлекательным событиям и спорту. В данной статье рассматриваются образные и стилистические средства языка, которые используются в информационно-аналитической программе «Время футбола».

Наиболее часто в речи ведущих и участников программы встречаются эпитеты, несущие в себе отрицательную эмоциональную окраску. Такие слова, как *чудовищный*, *кошмарный*, *жёсткий*, значительно усиливают всю драматичность ситуации и тем самым передают зрителю эмоции негодования, сочувствия и даже в какой-то степени страха: *Такой чудовищной команды страна не видела с 2000 года* (Андрей Иванов, корреспондент); *Максимально жёсткое крушение в истории; Последние четыре года выдались для Голландии кошмарными...* (Андрей Иванов, корреспондент).

Интересны случаи, когда пейоративные эпитеты меняют свою эмоциональную окраску и приобретают положительное коннотативное значение. Слово *дикий*, употреблённое по отношению к человеку,

как правило, несёт в себе отрицательный смысл, но в определённых контекстах и в сочетании с положительно окрашенными словами может не только поменять свою коннотацию, но и усилить значение сказанного: *Так что в отборочном цикле белорусские болельщики увидят новую и дику мотивированную бундестим* (Андрей Иванов, корреспондент). В данном примере также присутствует случай употребления иностранного слова *бундестим* (нем. *Bundesteam* – национальная сборная Германии), что, с одной стороны, также привлекает дополнительное внимание зрителя, а с другой стороны, подчёркивает уникальность именно этой сборной в мировом футболе.

Ещё одним распространённым средством создания экспрессивности в информационно-аналитической передаче являются метафоры. Благодаря скрытой аналогии и переносному значению, они оживляют речь участников программы, вызывают в сознании новые ассоциации, усиливают и подчёркивают значение сказанного и тем самым ещё эффективнее воздействуют на эмоции зрителя. Наиболее часто употребляются метафоры, которые образуются по сходству с физическими действиями, такие как *пролететь, забраться*; именно такие метафоры вызывают самые яркие ассоциации, ведь жизнь человека состоит в основном из действий: *...сборная этой страны пролетела мимо двух подряд топ-турниров...* (Андрей Иванов, корреспондент); *О психологической неустойчивости коллектива, который забрался невероятно высоко в турнирной таблице, говорили много* (Евгений Табула, корреспондент). Кроме физических действий, метафоры могут передавать сходство с явлениями повседневной жизни, что также близко для любого человека; так, в следующем примере видим сходство с явлением экономики: *Вывести голландцев из футбольного кризиса не получалось ни у кого* (Андрей Иванов, корреспондент).

Типичным для спортивных телепрограмм является лингвистический приём метонимии, при котором команда или сборная данной страны получает прозвище согласно тому, как выглядит их спортивная форма. Чаще всего это слова, обозначающие цвета; например, оранжевый – цвет национальной сборной Нидерландов: *Оранжевые вышли из группы с победителями двух последних чемпионатов мира* (Андрей Иванов, корреспондент).

В следующем примере, кроме вышеуказанной метонимии по цвету, мы можем наблюдать метонимию по месту: *В квалификации зелёно-белые (имеются в виду игроки сборной Ирландии) уступили в стыках швейцарцам: 0:1 дома, 0:0 в гостях* (Андрей Иванов, корреспондент). Такая метонимия позволяет сократить слова и тем самым ускорить речь диктора (*дома* вместо *в домашнем матче*, *в гостях*

вместо *в гостевом матче*), а также придаёт тексту окраску разговорного стиля, что служит для сокращения дистанции между говорящим и реципиентом, делает речь более близкой и понятной последнему, приближает её к подобию дружеской беседы. Такой же эффект виден и в следующем примере: *Да и не стоит забывать, что мы без шансов проиграли проблемным голландцам в последнем отборе на мир* (*мир* вместо *чемпионат мира*) (Андрей Иванов, корреспондент).

Нередко в информационно-аналитических спортивных программах используются фразеологизмы. Будучи специфической частью лексики, они делают речь более экспрессивной, придают ей оттенок эмоциональности и, как правило, выражают оценочное суждение. Например, в следующем предложении фразеологизм *решать судьбу* добавляет в описываемую ситуацию драматичности, что гораздо сильнее воздействует на эмоции зрителя: *Кстати, голландцы и немцы попали в одну группу лиги наций, и судьба первого места в ней решалась в очном матче* (Андрей Иванов, корреспондент).

Фразеологизмы, несмотря на своё свойство стабильности компонентного состава, могут употребляться в телепрограммах как в первоначальном, так и в трансформированном виде, что тоже добавляет речи разговорный оттенок: *Сегодня мы знакомим вас шапочно* (трансформация фразеологизма *шапочно знакомство*) *с соперниками белорусской национальной сборной, возрождением футбола в Нидерландах, переосмыслением игровых принципов Германии, а также командами, с которыми нужно играть на победу* (Николай Ходасевич, ведущий).

Употребление устойчивых сочетаний слов является типичным для телевизионного дискурса, и здесь имеют место не только фразеологические единицы, но и пословицы и поговорки. Особенно сильный эффект они дают, если содержат в себе слова с высокой степенью экспрессивности: *«Лучшие ужасный конец, чем ужас без конца»... Так немецкая пресса писала о своей сборной после провального чемпионата мира* (Андрей Иванов, корреспондент).

Из вышесказанного следует, что для наиболее эффективного привлечения зрителя и воздействия на его эмоции необходимо не только внешнее оформление программы, но и грамотное использование языковых средств в речи ведущих и других участников телевизионных передач. В первую очередь это лексические средства языка, умелое оперирование словарным запасом и использование слов и выражений в неожиданных контекстах.

Список литературы:

1. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности / И.В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка: сб. науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т; ред. И.В. Арнольд. – Л., 1975. – С. 11–20.
2. Время футбола (эфир от 03.12.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tvr.by/videogallery/sport/vremya-futbola-vipuski/vremya-futbola-03-12-2018/>. – Дата доступа: 08.09.2019.
3. Рожнова Е.А. Некоторые аспекты эмоционально-экспрессивной лексики английского языка / Е.А. Рожнова // Альм. соврем. науки и образования. – 2012. – № 9. – С. 175–177.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам XXVIII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (28)
Сентябрь 2019 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 23.09.19. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,125. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru